

Оригинальная статья / Original article

УДК 341.211(470+571)(09)

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-2-208-218>

Особенности новой экономической политики (НЭП) в «Сибревкомовской Сибири» (1921–1925 гг.)

© А.Г. Рогачев^a, А.И. Бакшеев^b^a Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия^b Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого, г. Красноярск, Россия

Аннотация: После разгрома колчаковцев и контрреволюции в целом политическую и экономическую власть в Сибири стал осуществлять Сибирский революционный комитет (Сибревком). Территорию его подвластности в составе ряда губерний принято именовать «Сибревкомовской Сибирью». В 1921 году здесь в соответствии с решениями X съезда РКП(б) и последующими партийными и советскими документами стала осуществляться новая экономическая политика (НЭП). В историографии НЭПа можно выделить пять этапов: 1920-е гг.; 1930-е гг., вторая половина 1940-х – начало 1950-х гг.; середина 1950-х – 1980-е гг.; 1990-е гг. и по настоящее время (постсоветский). В 1921–1922 гг. на Сибирь огромной тяжестью легли поставки хлеба и других продуктов в европейский центр страны. На этом постоянно настаивал В.И. Ленин. Какие-то позитивные изменения стали проявляться только в 1923–1925 гг. А до этого крестьяне то «довыполняли» продразверстку, то платили огромный продовольственный налог. Советская власть, чтобы спасти себя, пошла на вынужденное отступление от прежних военно-коммунистических методов управления. Допустили свободную торговлю: только она и спасла от повсеместного продуктового и товарного голода. Многие необходимые товары, которые сама Сибирь не производила, частные торговцы завозили из-за Урала. В местной партийной печати появилась реклама разнообразных деликатесов и промышленных изделий. К 1925 году встало на ноги и сибирское крестьянство. На уровень дореволюционных лет выйти всё же не удалось. В 1925 году Сибирский край вместо губерний поделили на округа. Первый Краевой съезд Советов в декабре передал власть от Сибревкома Сибкрайисполкому.

Ключевые слова: Сибревком, НЭП, историография, крестьянство, аграрное производство, потребительская кооперация, промышленность, продразверстка, продналог, Сибкрайисполком

Для цитирования: Рогачев А.Г., Бакшеев А.И. Особенности новой экономической политики (НЭП) в «Сибревкомовской Сибири» (1921–1925 гг.) // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2021. Т. 17. № 2. С. 208–218. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-2-208-218>

Features of the New Economic Policy (NEP) in «Sibrevkom» Siberia (1921–1925)

© Alexander G. Rogachev^a, Andrey I. Baksheev^b^a Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia^b Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voyno-Yasenetsky, Ministry of Health of the Russian Federation, Krasnoyarsk, Russia

Abstract: After the defeat of Kolchak and the counter-revolution as a whole, the Siberian Revolutionary Committee (Sibrevkom) began to realise political and economic power in Siberia. The territory of his authority as part of a number of provinces is usually called Sibrevkom Siberia. In 1921, in accordance with the decisions of the X Congress of the RCP(b) and subsequent party and Soviet documents, a New Economic Policy (NEP) began to be implemented here. In the historiography of the NEP, five stages can be distinguished: the 1920s; the 1930s, the second half of the 1940s – the beginning of the 1950s; the mid-1950s – the 1980s; the 1990s and the present (post-Soviet). In 1921–22, the supply of bread and other products to the European center of the country fell on Siberia with a huge burden. V.I. Lenin constantly insisted on this. Some positive changes began to manifest only in 1923–1925. And before that, the peasants sometimes “completed” the production overhaul, sometimes paid a huge food tax. The Soviet government, in order to save itself as a whole, went on a forced retreat from the previ-

ous military-communist methods of management. Free trade was allowed: only it saved from widespread food and commodity hunger. Free trade was allowed: only it saved from widespread food and commodity hunger. Many necessary goods that Siberia itself could not produce, merchants imported by traders from across the Urals. Advertising of various delicacies and industrial products appeared in the local party press. By 1925, the Siberian peasantry also stood on its feet. Still, it was not possible to reach the level of pre-revolutionary years. In 1925, the Siberian Territory was divided into districts instead of provinces. The first Regional Congress of Soviets in December transferred power from the Sibrevkom (Siberian Revolutionary Committee) to the Siberian Regional Executive Committee.

Keywords: Sibrevkom, NEP, historiography, peasantry, agricultural production, consumer cooperation, industry, production, Sales, Sibkray Executive Committee

For citation: Rogachev A.G., Baksheev A.I. (2021) Features of the new economic policy (NEP) in «Sibrevkomov» Siberia (1921–1925). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 2. P. 208–218. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-2-208-218>

Один из создателей и первых руководителей Сибирского революционного комитета (Сибревкома) И.Н. Смирнов в начале декабря 1925 г. в газете «Советская Сибирь» обрисовал контекст создания чрезвычайного органа: его образовали в августе 1919 г. в уральском Челябинске. Это решение оказалось очень удачным. Вскоре в 5-ю Армию коммунисты быстро мобилизовали 24 тыс. местных крестьян. В октябре 1919 г. колчаковцы между реками Ишимом и Тоболом потерпели поражение, ставшее решающим и изменившее всю ситуацию в Сибири. 14 ноября 1919 г. красноармейские части взяли Омск. А.В. Колчак бежал в Иркутск, где и оборвалась его жизнь. И.Н. Смирнов отмечает, что зимой 1919–1920 гг. на железной дороге и предприятиях Сибири царил страшная разруха. Поезда от Челябинска до Омска шли не менее 20 суток. По версии И.Н. Смирнова, «белые рассчитывали, что красные не выдержат такого положения и сами уберутся назад в Европу» (Первый краевой..., 1993а. С. 6–10)¹.

Однако Сибревком пришел всерьез и надолго. До лета 1921 г. его резиденцией являлся Омск, а затем состоялся переезд в Новониколаевск. «Сибревкомовская Сибирь» в 1921–1925 гг. включала в свой состав Алтайскую, Енисейскую, Иркутскую, Новониколаевскую (возникла летом 1921 г.), Омскую и Томскую губернии. На местах в

1920–1921 гг. осуществлялся постепенный переход от ревкомов к выборным Советам. Но Сибревком продолжал действовать до декабря 1925 г., т. е. до Первого краевого съезда Советов Сибири.

Можно отметить, что вся тяжесть руководства народным хозяйством Сибири в условиях новой экономической политики легла на Сибревком. Политическую линию контролировало Сибирское Бюро ЦК РКП(б), а с 1924 г. – Сибкрайком РКП(б).

В серии статей (Морозова, 2013; Морозова, 2018) и диссертации (Морозова, 2015)² впервые осуществлен комплексный анализ деятельности Сибирского краевого комитета РКП(б) – ВКП(б), как руководящего органа большевистских организаций Сибири.

Собственно, разделить деятельность революционных и партийных органов в этот период весьма трудно, да и не имеет смысла. Везде заседали одни и те же коммунистические лица. Какую-либо им оппозицию в самом начале НЭПа чекисты быстро ликвидировали. И с того момента РКП(б) приходилось бороться только с собственными просчетами и ошибками, которых хватало.

В исторической литературе НЭП, в том числе и в Сибири, изучается с момента его возникновения. Историкографически можно выделить пять этапов: 1920-е гг. (его условно можно определить

¹ Первый краевой съезд Советов Сибири: стенографический отчет // сост. И.А. Мошетотов. Ч. I. Новосибирск, 1993а. 221 с.

² Морозова Т.И. Организация и деятельность Сибирского краевого комитета РКП(б)–ВКП(б) (май 1924 – август 1930 г.): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2015. 270 с.

как дискуссионно-политический и экспертный); 1930-е гг. (сталинский, пропагандистский), вторая половина 1940-х – начало 1950-х гг. (сталинский, начальено-научный); середина 1950-х – 1980-е гг. (развито научный); 1990-е г. и по настоящее время (постсоветский).

Каждый из этапов четко отличался по степени актуальности и значимости проблем новой экономической политики для синхронной этапу социально-политической действительности, соотношением идеологичности и научности в трактовках, территориальными рамками, масштабами привлечения и освоения источниковой базы, и по многим другим параметрам. Причем, несмотря на идеологический монополизм, неизменно присутствовал реальный или имитируемый дискурс, большая или меньшая, явная или неявная полемика. В ее содержании нашла четкое отражение общая интеллектуальная эволюция и проявились внутренние закономерности (возможности, ограничения, обязательные условия) сначала устанавливаемого, а затем с определенным трудом поддерживаемого идейно-теоретического монополизма. К дающим тактический эффект возможностям, на наш взгляд, следует, в первую очередь, отнести подмену рациональных аргументов эмоциональными, выдавая последние за передовую теорию, к ограничениям – обязательность назначения врагов, к условиям – умолчания и лакуны. Завышение успехов, «приписки» – обязательный компонент «атмосферы и логики войны», позволяющий пропагандистски громить «врагов», «вредителей», но ведущий к стратегическим просчетам на почве самовнушения.

В советском государстве в 1920-е годы публиковались официальные работы о курсе в отношении крестьянства, претендующие на теоретический характер. Авторами были виднейшие большевики В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Л.Б. Каменев, Н.И. Бухарин, К.Б. Радек, И.В. Сталин, А.И. Рыков, Е.А. Преображенский, Г.Я. Сокольников и многие другие. Аналогичным образом на уровне всей Сибири, ее регионов, республик и округов Сибирского края в местной прессе выступали здешние руководители М.М. Лашевич,

Р.И. Эйхе, С.И. Сырцов, М.Н. Ербанов и другие. Все авторы откровенно объясняли цели советской политики в отношении крестьянства. Публицистичность и идеологичность подавляющего большинства текстов побуждает воспринимать их скорее как письменные исторические источники, чем исследовательскую литературу.

И современная НЭПу, и последующая научная и публицистическая литература пронизана военной терминологией и риторикой («фронт», «борьба», «враг»), выстроена по столько же военной логике: «на классовом фронте борьбы», «создание условий для полной победы над кулачеством», «на экономическом фронте», «в условиях современной классовой борьбы», «враждебная Советской власти экономическая линия», «маневры врагов», «героическая борьба коммунистов за социалистическое будущее деревни», «классовый враг», «наступление на нэпмана и кулака», «вредительство классовых врагов», «на национальном фронте», «борьба за перевоспитание мелкобуржуазных масс и интеллигенции», «на литературном фронте», «примиренческая позиция в развернувшейся в литературе идейной борьбе», «против реакционных теорий на военно-научном фронте» и т. д.

В 1920-е годы в СССР наблюдалась ограниченная политической монополией ВКП(б) дискуссия о дальнейшем курсе в отношении крестьянства, делался выбор между продолжением или свертыванием НЭПа. Опираясь на предвзято подобранный разрозненный фактический материал, цитаты марксистских теоретиков авторы-политики логически упрощенно, но эмоционально ярко предлагали те или иные управленческие решения.

Одновременно аграрную сферу исследовали советские экономисты. Комплексный обобщающий характер носили многочисленные публикации Н.Д. Кондратьева и А.В. Чаянова. При этом наблюдается причудливое взаимопроникновение. В постсоветской историографии «общепризнано», что В.И. Ленин использовал концептуальные подходы А.В. Чаянова (Ильиных, Андреенков, Рынков, 2015. С. 32). И наоборот, некоторые

эксперты для подкрепления позиции – высказывания высших политических деятелей.

Семейно-трудовая концепция Чаянова являлась господствующей теоретической основой как местных аграрно-статистических изданий, так и регионального аграрно-производственного планирования.

Идейным противником чаяновских подходов выступал Л.Н. Крицман, обосновывавший свои оценки восхваляющим анализом политики военного коммунизма: «Крестьянство потребляющей полосы, жившее до революции в условиях феодальной эксплуатации и в то же время больше всего связанное с пролетариатом, ибо потребляющая полоса была основным районом обрабатывающей промышленности, черпавшей своих рабочих именно из этого полупауперизованного феодализма крестьянства, это крестьянство, в лице Красной армии и военно-продовольственных отрядов, набравшихся из рабочих и из крестьян потребляющей полосы, было противопоставлено крупному капиталистическому крестьянству производящих районов» (Крицман, 1924. С. 57–60). Откровенное отождествление себя с потребителем и противопоставление производителю. Развивая данные подходы, Л.Н. Крицман анализировал и классовую дифференциацию деревни уже в СССР, внедряя ее трехзвенную схему (бедняк – середняк – кулак), впоследствии ставшую теоретической базой коллективизации и раскулачивания (Крицман, 1926). Проблематику наемного труда в аграрной сфере также изучали Л.М. Ларин и Я.Д. Кац.

Переход ко второму периоду историографии – 1930-е гг. – совпал с переустройством сельского хозяйства, с форсированной и насильственной коллективизацией. Принудительно-административное сужение спектра научных трактовок, усиление партийного контроля, приоритет сталинских оценок происходившего и происходящего отвели периоду НЭПа роль антипода героических успехов становления в СССР колхозного строя. Собственно говоря, оценки НЭПа в литературе 1930-х годов «зашиты» в лакированном освещении коллективизации.

После смерти И.В. Сталина наблюдаются некоторые корректировки в изучении советской истории. Последовавшая после разоблачения «культы личности» на XX съезде КПСС в феврале 1956 г. ревизия трактовок именно аграрной истории советского периода была в общем минимальной, косметической – вместо высказываний И.В. Сталина обосновывающие цитаты стали подбираться из публикаций В.И. Ленина.

По-прежнему громко предписывалось, что «в своей творческой работе историки партии руководствуются ленинским принципом партийности в исторической науке, суть которого состоит в том, чтобы при анализе фактов и выводов исходить из интересов передового класса. Руководствуясь этим принципом, они выступают против «объективизма», который на деле ведет к искажению исторической правды» (Обичкин, 1958. С. 76).

В 1970–1980-е гг. предметно рассмотрены культурная жизнь сибирского населения (Соскин, 1971), военно-чрезвычайное преддверие НЭПа (Шишкин, 1978), зарождение социалистических форм хозяйствования в деревне (Гришаев, 1976; Гущин, 1979; Шекшеев, 1988. С. 17–25), динамика классовой борьбы (Гущин, Ильиных, 1987).

Сохраняется значительный интерес к НЭПу и в XXI веке (Суверов, 2005; Жулаева, Луцаева, 2007; Рогачев, 2008; Северьянов, 2010; Рынков, Ильиных, 2013; Рогачев, 2013; Бакшеев, 2016; Бакшеев, 2020; Иванов, 2020). Перечислим лишь нескольких современных исследователей: в работах В.А. Ильиных анализируется деятельность властных структур по регулированию рынка Сибири в условиях НЭПа, раскрывается политика в отношении к кооперации и частному капиталу (Ильиных, 1992; Ильиных, 2005). В соавторстве с В.М. Рынковым рассмотрена эволюция земельной политики (Ильиных, Рынков, 2015. С. 10–194). Предметно проанализированы соперничавшие в 1920-х годах стратегии аграрного развития Сибири (Ильиных, Андреевков, Рынков, 2015; Ильиных, 2016). Монография Л.Ю. Анисимовой и М.Д. Северьянова исправляет и дополняет их более ранние публикации, представляя обстоятельный обзор развития землепользования, земле-

устройства и переселения на материалах Сибири (Анисимова, Северьянов, 2020).

Возникает вопрос: «Почему повсеместно в 1921 г. происходит переход к новой экономической политике?». Дело в том, что Советская Россия на рубеже 1920–1921 гг. оказалась в плену глубокого политического кризиса. Такие явления как антоновщина, кронштадтское восстание, массовые антикоммунистические выступления в сибирской деревне в форме анархо-бандитизма и красного бандитизма потребовали решительных перемен в управлении страной.

11 февраля 1921 г. в газете «Правда» появилась дискуссионная заметка сибирского крестьянина, кооператора – Осипа Ивановича Чернова. Он считал, что советская власть должна поддерживать свободный крестьянский труд. Автор предложил установить точный посильный процент общественного отчисления от крестьянских доходов. Жители сибирского села в итоге могли бы обменивать часть продуктов через потребительскую кооперацию на нужные им промышленные товары.

X съезд РКП(б) принял в марте 1921 г. положительное решение по введению НЭПа. 21 марта ВЦИК утвердил специальный декрет о замене продразверстки продналогом, который сокращал обязательные продовольственные поставки крестьян почти в два раза.

Однако реализовать такой подход на деле в Сибири удалось не сразу. В.И. Ленин, как председатель Совнаркома, требовал от председателя Сибревкома – И.Н. Смирнова немедленного увеличения отгрузки хлеба в центр. Ленинские телеграммы подобного характера поступали регулярно. Как следствие, в регионах Сибири еще долго «добирали» продразверстку, а продналог в 1921–1922 гг. оказался весьма высоким.

Деревня остро нуждалась в промышленных товарах. Государственно-кооперативный обмен полностью провалился. Резко активизировалась частная торговля, восполнявшая товарный дефицит. Сибревком был вынужден разрешить свободную торговлю хлебом в уездах, своевременно выполнивших продразверстку.

Чтобы довести стратегию НЭПа до широких масс, руководителей среднего и низшего звена, в сентябре 1922 г. начинает выходить журнал «Жизнь Сибири». В первом номере новый председатель Сибревкома – М.М. Лашевич представил подробный отчет хозяйственного положения в регионе.

А ещё весной 1922 г. вышел первый номер журнала «Сибирские огни» с публикацией статьи секретаря ЦК РКП(б) И.И. Ходоровского, разъясняющего коммунистам, рабочим и деревенским беднякам сложившуюся ситуацию в стране и Сибири. Признавалось, что кооперативный обмен «раздавлен» денежным рыночным оборотом. И.И. Ходоровский также сообщил о замене прежней уравнительной пайковой оплаты труда (на работника, на жену и детей) – сдельной, за выполненную работу. Особо отметил, что при этом частный капитал крайне плохо идет в производство, предпочитая торговлю (Ходоровский, 1922. С. 78–80).

Статистические подсчеты показывают: в годы НЭПа в Сибири из ранее национализированных 1640 предприятий 734 возвратили бывшим владельцам. Как убыточные, были закрыты 50, а 163 сдали в аренду. В 1925 году в регионе успешно работали 336 промышленных единиц, которые в общей сложности насчитывали около 36 тыс. рабочих. Регулятором этой смешанной экономики в виде государственных, кооперативных, арендных и частных предприятий являлись, в основном, рыночные отношения.

В эти отношения пыталось войти и сибирское крестьянство. В свое время Столыпинская реформа дала мощное ускорение развитию сельского хозяйства в Сибири. В этой отрасли работало 90 % трудоспособного населения. Стоимость продукции села в 3,5 раза превышала всю стоимость промышленности. Если в период 1900–1914 гг. сибиряки собирали в среднем за год около 200 млн пудов хлеба, то в 1917 г. сбор зерновых составил 600 млн пудов (Винокуров, Суходолов, 1996. С. 120–121, 131–132).

Следует учитывать специфические, экономические и социальные условия развития сельского

хозяйства в Сибирском крае. Российские землепроходцы исторически очень быстро прошли от Урала до Тихого океана и Камчатки, всего за 70 лет. Коренное сибирское население здесь пашенным земледелием не занималось. Пришлось завозить и привлекать крестьян из европейской части страны. Это происходило с большим трудом, нередко в условиях военного противостояния с местными аборигенами. В Сибири отсутствовало помещичье землевладение. Все крестьяне являлись государственными. Развивало свои пашенные хозяйства и казачество.

Всего в 1917 г. под посевами зерновых культур находилось 5881 тыс. десятин. В 1920 г. намечилось некоторое снижение – осталось 5154 тыс. десятин, т. е. 87 % от 1917 г. В 1921 г. продолжилось сокращение до 4289 тыс. десятин, т. е. 72 % к 1917 г. А в 1922 г. произошла настоящая катастрофа: засеяли всего 2915 тыс. десятин, т. е. 42,5 % от 1917 г. В 1923 г. уже 3661 тыс. десятин, в 1924 г. – 4024 тыс. десятин, в 1925 г. – 4196 десятин и соответственно, 71,3 % от 1917 г. Наблюдения показали, что около 25 % посевной площади крестьяне укрывали от учета.

Все большую роль в соответствии с хозяйственными интересами крестьян в севообороте играла рожь. Она, как более устойчивая и урожайная сибирская зерновая культура, сильно потеснила пшеницу. В 1917 г. рожь составляла 11,6 % посевов, а в 1925 г. – 47,8 %. Урожайность самой пшеницы в Сибири выросла: 1920 г. – 25 пудов с десятины, 1921 г. – 21 пуд; 1922 г. – 35 пудов; 1923 г. – 36 пудов; 1924 г. – 46 пудов; и 1925 г. – 60 пудов с десятины. Заметно повысился интерес крестьян к животноводству. Лошадей в 1923 г. насчитывалось 2982 тыс. голов (74,5 % от уровня 1917 г.), в 1925 г. – уже 3412 тыс. голов (85,4 %). Овец и коз в 1923 году имелось 6062 тыс. голов, в 1925 г. – 8475 тыс. голов (136,5 % от 1917 года) (Первый краевой..., 1993а. С. 57–61)¹. В соответствии с интересами крестьянства после 1923 г. мелкий скот перестали облагать налогом, поэтому он вновь сразу стал появляться «на свет божий» из заимок и попал в статистические отчеты. Собственно, такие «качели» с размером посевных

площадей, количеством скота, напрямую связаны с продразверсткой и коммунистическим насилием над крестьянством.

НЭП все же постепенно стал приносить свои позитивные плоды. В 1923 г. запутанные местные налоги заменили единым сельскохозяйственным налогом, который оказался в три раза меньше продразверстки 1920 г. и в 1,5 раза сократился по сравнению с налоговой нагрузкой 1922 г. Денежная реформа, завершившаяся в 1924 г. введением твердого рубля – червонца, способствовала хозяйственной активности предприимчивых крестьян. Они сдавали в аренду инвентарь, занимались торговлей, создавали сельские промышленные предприятия. Стала быстро развиваться добровольная крестьянская кооперация. Крестьяне, объединившись в несколько семей, покупали весьма дорогие механизмы: плуги, конные сенокосилки и грабли, веялки, молотилки и даже трактора. Организовывали и кредитные товарищества, через которые крестьяне получали денежные ссуды на льготных условиях. Затем сбытовая кооперация продавала продукцию на городских рынках.

В «Сибревкомовской Сибири» пытались развивать и производственную кооперацию. В 1924 г. существовало 564 коллективных хозяйства. В годы Гражданской войны и военного коммунизма городские рабочие создавали на селе коммуны. Когда экономическая жизнь в городах после 1921 г. стала оживляться, организаторы, коммунары, возвратились в города. Коммуны не могли существовать без государственных дотаций и налоговых льгот. Помощь советского государства просто зачастую «проедалась». Индивидуальная трудовая деятельность для людей активных и предприимчивых оказалась гораздо эффективнее и привлекательнее.

Между тем НЭП оказался по своей социально-политической сути весьма противоречивым. Ортодоксальные коммунисты городских нэпманов и зажиточных крестьян просто ненавидели. Последние стали настоящей «дойной коровой» для советской власти. У них, «кулаков», в виде налога изымали 20 % чистого дохода, у средня-

ков – 14 %, у бедняков – 7 %. Кулаки почти не получали продуктов. Газеты, агитация и пропаганда РКП(б) лила на них всякую грязь, называла «миродеями», «зверьями-эксплуататорами», морально уничтожала. Между тем среди них росло движение крепких «культурников», стремившихся создать настоящие профессиональные прогрессивные хозяйства. Получалось так, что именно кулаки являлись главными производителями товарной продукции, а с другой стороны – потребителями для городской промышленности, т. е. стимулировали её развитие. Они стали и основными налогоплательщиками, содержащими непроизводственную сферу, в том числе и структуру самого Сибревкома.

Многие сибирские историки считают, что существенных недостатков в налоговой Сибревкомовской политике первой половины 20-х гг. XX в. насчитывалось множество. Основным являлось то, что существовало огромное несоответствие потенциальной платежеспособности населения размеру налога. Это опять вело к сокращению в ряде мест посевных площадей. В Омской губернии их площадь составляла в 1923 г. лишь 51 % по сравнению с 1920 г. В целом высокие налоги, массовые изъятия материальных ценностей и опустошение крестьянских хозяйств привели «Сибревкомовскую Сибирь» к настоящему голоду. В 1922 г. было признано, что голодает большая часть населения сибирских губерний. Люди многими тысячами бежали в относительно обеспеченные хлебопродуктами места. Голод сопровождался болезнями и настоящими эпидемиями. В определенном смысле, по нашему мнению, можно констатировать развитие советского колониализма в прямое продолжение царского.

А.С. Жулаева и Г.М. Луцаева глубоко исследовали социальный облик сибирской деревни. Они отмечают, что к середине 20-х гг. XX века мелкотоварный и патриархальный хозяйственный уклады охватывали примерно 87–88 % сельского населения. Это составляло приблизительно 6550 тыс. человек. Частично капиталистический уклад включал тогда 500 тыс. жителей села или 6,5 %. Социальные обследования 1923 г. выявили чрез-

вычайную сложность рыночных отношений в деревне. Здесь продукты не только продавались, но еще в большей степени потреблялись. Кризис осени 1923 г. в области сбыта продукции промышленности свидетельствовал о низкой стабильности сельчан в области закупок промтоваров. «Сибревкомовская Сибирь» испытывала постоянный недостаток продовольствия и семян. Первый краевой съезд Советов Сибири в декабре 1925 г. принял решение снять с сибирских крестьян задолженность по возврату семенной ссуды в размере 500 тыс. рублей и передать в помощь нуждающимся и разоренным сельским труженикам 300 тыс. рублей (Жулаева, Луцаева, 2007. С. 33, 67–70).

Сибревкомовская власть в первой половине 20-х гг. XX века постепенно нащупывала необходимые способы и методы руководства, конечно, у идейных коммунистов, красных командиров и комиссаров в беседах с «упертыми» нэпманами и кулаками рука невольно тянулась к нагану. Ортодоксальные коммунисты рассуждали примерно так: «Вот и белых разбили, «контру» расстреляли, пора и коммунизм строить. А тут НЭП на голову свалился с биржами, рынками и свободной торговлей».

Выполняя директивы Центра, региональная власть в 1923–1925 гг. по отношению к горожанам и крестьянам, в основном, отказалась от насильственных методов управления и воздействия на людей. Стали преобладать воспитательные: людей на страницах газет и речами популяризаторов убеждали, агитировали и пропагандировали.

С каждым годом кооперация расширяла влияние на крестьянство Сибири. К 1 октября 1924 г. в «потребилровке» насчитывалось 378 тыс. кооперативных крестьянских дворов, а к 1 сентября 1925 г. их число составило уже 554 тыс. дворов, или 45,8 % всех крестьянских хозяйств (Первый краевой..., 1993b. С. 110)³.

³ Первый краевой съезд советов Сибири (3–9 декабря 1925 г.). Стенографический отчет. Ч. 2. Новосибирск, 1993b. 275 с.

Определенные успехи в сельском хозяйстве постепенно стимулировали в «Сибревкомовской Сибири» развитие промышленности и торговых отношений. В 1924/1925 хозяйственном году по сравнению с 1920/21 годом объемы промышленного производства выросли в 1,6 раза и составили в денежном эквиваленте 33 млн руб., т. е. около 4 руб. на одного сибиряка. Количество рабочих за этот период сократилось примерно в три раза. Зарплата в 1925 г. за год выросла на 30 % и равнялась, в среднем, примерно 37 руб. в месяц. Экономическая выработка со 101 рубля поднялась до 136 рублей, т. е. на 32 % (Первый крайвой..., 1993b. С. 72–74)³.

В период 1923–1925 гг. выросла безработица с 17 до 32 тыс. человек. Безработные регистрировались на бирже труда, где получали пособие, доходившее до 15 рублей в месяц. Случались с их стороны бунты и погромы бирж, стычки с милиционерами.

Довольно противоречиво развивались в «Сибревкомовской Сибири» культура, образование и быт. Демографическая динамика оказалась очень мощной: в 1925 г. из 8 млн населения Сибири 62 % составляла молодежь в возрасте до 25 лет. Она хотела, с одной стороны, получить образование, а с другой – развлечения. Прежние социальные устои стали быстро разрушаться. Новая власть повела решительную атаку на религию и церковь, на здоровую этику местного и крестьянского накопительства (на буржуев, мироедов, кулаков, нэпманов). Города стали значительно разрастаться и превратились в большие деревни, с тесным жильем, без всяких удобств. Но здесь «крутили киношку», организовывали танцульки с самогоном. Процветали проституция и свободная любовь.

В образовании позитивное значение имела борьба с безграмотностью. Кадровый голод пы-

тались преодолеть путем организации всевозможных курсов повышения квалификации. Учились быстро, может даже слишком быстро (как успел отметить еще В.И. Ленин). Но мощное социальное движение масс давало надежду на большие преобразования страны, в том числе и Сибири.

В 1925 г. административно-территориальную структуру Сибири решительно перекроили. Появились обновлённые сельсоветы и райисполкомы. Вместо губерний (кроме Иркутской), создали 16 округов и одну автономную область. 3 декабря 1925 года в Новониколаевске (его вскоре переименовали в Новосибирск) открылся первый крайевой съезд Советов Сибири. Сибревком отчитался перед его делегатами и сложил свои полномочия.

Дальнейшее руководство политикой НЭПа стал осуществлять Сибирский крайевой исполнительный комитет – Сибкрайисполком. Первым его председателем стал Р.И. Эйхе. Ему было всего 35 лет. С 15 лет он являлся членом большевистской партии. Р.И. Эйхе оставался во главе Сибири до 1930 г., позднее он погиб в годы сталинских репрессий в 1940 г.

Подводя некоторые итоги исследования, можно отметить позитивные результаты деятельности Сибревкома в 1924–1925 гг. по осуществлению в Сибири новой экономической политики. В эти годы, в основном, удалось восстановить сельское хозяйство и в значительной мере оживить промышленность и торговлю. Но сам НЭП противоречил природе Сибревкомовской большевистской советской власти.

Социальные конфликты, на время замаскированные и заретушированные, скоро вспыхнут с новой силой. Коммунисты не собирались терпеть нэпманов и кулаков очень долго.

Библиографический список

Анисимова Л.Ю., Северьянов М.Д. Земельные отношения в российской деревне: история и современность. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2020. 340 с.

Бакшеев А.И. Проблемы властных отношений центра и региона на примере Сибири времен НЭПа // Исто-

References

Anisimova L.Yu., Sever'yanov M.D (2020) Land relations in the Russian village: history and modernity. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. 340 p. (In. Russ.)

Baksheev A.I. (2016) Problems of power relations of the center and the region on the example of Siberia during

рия: факты и символы. 2016. № 2 (7). С. 115–123.

Бакшеев А.И. НЭП в Сибири. Атмосфера и логика войны. Красноярск: КрасГМУ. 2020. 145 с.

Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Сибири: 1900–1928. Новосибирск: Наука, 1996. 320 с.

Гришаев В.В. Сельскохозяйственные коммуны Советской России 1917–1929 гг. М.: Мысль, 1976. 188 с.

Гущин Н.Я. Колхозное строительство в Сибири в начале социалистической реконструкции народного хозяйства (1926–1927 гг.) // Проблемы социального развития деревни Советской Сибири. Новосибирск, 1979. С. 18–62.

Гущин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне 1920-е – сер. 1930-х гг. Новосибирск, 1987. 336 с.

Жулаева А.С., Лущаева Г.М. Сельское население Сибири первой половины 20-х годов XX века: социальные проблемы и противоречия. Красноярск: СибГТУ, 2007. 274 с.

Иванов В.В. Крестьянство и Советская власть Приангарья в 1920-е гг.: противоречия и взаимодействия. М.: Русайнс, 2020. 270 с.

Ильиных В.А. Коммерция на хлебном фронте (государственное регулирование хлебного рынка в условиях НЭПа. 1921–1927 гг.). Новосибирск, 1992. 224 с.

Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях НЭПа (1921–1928 гг.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 282 с.

Ильиных В.А. Землеустройство в Сибири в условиях НЭПа: выбор оптимальной формы // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 1. С. 70–76.

Ильиных В.А., Рынков В.М. Монографический очерк // Земельные органы Сибири в 1920-е гг. документально-монографическое издание. Новосибирск: Сибпринт, 2015. С. 10–194.

Ильиных В.А., Андреенков С.Н., Рынков В.М. Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX веке: выбор путей и методов модернизации. Новосибирск: Сибпринт, 2015. 298 с.

Крицман Л.Н. Героический период Великой русской революции // Вестник коммунистической академии. Книга 9. 1924. С. 1–146.

Крицман Л.Н. Классовое расслоение в советской деревне. По данным волостных обследований. М., 1926. 190 с.

Морозова Т.И. Бюро Сибирского краевого комитета РКП(б)–ВКП(б): компетенция, состав, формы и методы деятельности (май 1924 – август 1930 г.) // Гумани-

the NEP. *Istoriya: fakty i simvolyy = History: Facts and Symbols*. No. 2 (7). P. 115–123. (In Russ.)

Bakshiev A.I. (2020) NEP in Siberia. Atmosphere and the logic of war. Krasnoyarsk: KrasSMU. 145 p. (In Russ.)

Vinokurov M.A., Sukhodolov A.P. (1996) The Economy of Siberia: 1900–1928. Novosibirsk: Nauka. 320 p. (In Russ.)

Grishaev V.V. (1976) Agricultural communes of Soviet Russia 1917–1929. Moscow: Mysl'. 188 p. (In Russ.)

Gushchin N.Ya. (1979) Kolkhoz construction in Siberia at the beginning of the socialist reconstruction of the national economy (1926–1927). *Problemy sotsial'nogo razvitiya derevni Sovetskoi Sibiri = Problems of social development of the village of Soviet Siberia*. Novosibirsk. P. 18–62. (In Russ.)

Gushchin N.Ya., Il'inykh V.A. (1987) Class struggle in the Siberian village of the 1920s – ser. 1930s. Novosibirsk. 336 p. (In Russ.)

Zhulaeva A.S., Lushchaeva G.M. (2007) Rural population of Siberia in the first half of the 20s of the XX century: social problems and contradictions. Krasnoyarsk: SibSTU. 274 p. (In Russ.)

Ivanov V.V. (2020) The peasantry and the Soviet power of the Angara Region in the 1920s: contradictions and interactions. Moscow: Rusains. 270 p. (In Russ.)

Il'inykh V.A. (1992) Commerce on the bread front (State regulation of the bread market in the conditions of the NEP. 1921–1927). Novosibirsk. 224 p. (In Russ.)

Il'inykh V.A. (2005) State regulation of the agricultural market of Siberia in the conditions of the NEP, (1921–1928). Novosibirsk: SB RAS. 282 p. (In Russ.)

Il'inykh V.A. (2016) Land management in Siberia in the conditions of the NEP: choosing the optimal form. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri = Humanities in Siberia*. Vol. 23. No. 1. P. 70–76. (In Russ.)

Il'inykh V.A., Rynkov V.M. (2015) Monographic sketch. *Land authorities of Siberia in the 1920s. documentary-monographic edition = Zemelye organy Sibiri v 1920-e gg. dokumentalno-monograficheskoe izdanie*. Novosibirsk: Sibprint. P. 10–194. (In Russ.)

Il'inykh V.A., Andreenkov S.N., Rynkov V.M. (2015) The projects of transformation of the agrarian system of Siberia in the twentieth century: the choice of ways and methods of modernization. Novosibirsk: Sibprint. 298 p. (In Russ.)

Kritsman L.N. (1924) Heroic period of the Great Russian Revolution. *Vestnik kommunisticheskoi akademii = Bulletin of the Communist Academy*. Book 9. P. 1–146. (In Russ.)

Kritsman L.N. (1926) Class stratification in the Soviet village. According to the data of volost surveys. Moscow. 190 p. (In Russ.)

Morozova T.I. (2013) Bureau of the Siberian Regional Committee of the RCP(b) – VKP(b): competence, composition, forms and methods of activity (May 1924 – August

тарные науки в Сибири. Новосибирск, 2013. № 1. С. 45–48.

Морозова Т.И. Социокультурные и политические характеристики членов Сибирского областного бюро РКП(б) – Сибирского бюро ЦК РКП(б) (3 декабря 1919 – 11 мая 1924 г.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции с международным участием. Новосибирск: Издательско-полиграфический центр Новосибирского государственного университета, 2018. С. 152–169.

Обичкин Г.Д. Задачи научной разработки в области истории КПСС // Материалы всесоюзного совещания заведующих кафедрами общественных наук. М.: Изд-во политической литературы, 1958. С. 73–94.

Рогачев А.Г. Альтернативы российской модернизации: сибирский аспект (1917–1925-е годы). Изд-ство Красноярский государственный аграрный университет. 2008. 171 с.

Рогачев А.Г. Духовная и культурная жизнь сибиряков в 1921–1925 г. в условиях новой экономической политики // Вестник КрасГАУ. 2013. № 9 (84). С. 293–299.

Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск: Сибпринт, 2013. 244 с.

Северьянов М.Д. Сибирская доколхозная деревня: землепользование, землеустройство и переселение (1861–1930 гг.). Кызыл: ГОУ ВПО Тывинский государственный университет, 2010. 246 с.

Соскин В.Л. Культурная жизнь Сибири в первые годы новой экономической политики (1921–1923 гг.). Новосибирск, 1971. 350 с.

Суверов Е.В. Социально-экономическое и политическое развитие сибирской деревни в период НЭПа (1921–1929 гг.). Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2005. 195 с.

Ходоровский И.И. Куда мы идем: по поводу новой экономической политики и укрепления наших партийных рядов // Сибирские огни, 1922, № 1, март – апрель. С. 78–86.

Шекшеев А.П. Совхозное строительство в Хакасии (1917 – конец 1950-х гг.). Абакан, 1988. 166 с.

Шишкин В.И. Революционные комитеты Сибири в годы Гражданской войны (август 1919 г. – март 1921 г.). Новосибирск, 1978. 333 с.

1930). *Gumanitarnye nauki v Sibiri = Humanities in Siberia*. Novosibirsk. No. 1. P. 45–48. (In Russ.)

Morozova T.I. (2018) Sociocultural and political characteristics of the members of the Siberian Regional Bureau of the RCP(b) – Siberian Bureau of the Central Committee of the RCP(b) (December 3, 1919 – May 11, 1924). *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh: sbornik materialov Vserossiiskoi molodezhnoi nauchnoi shkoly-konferentsii s mezhduнародnym uchastiem = Actual problems of historical research: the view of young scientists. A collection of materials of the All-Russian Youth Scientific School-conference with international participation*. Novosibirsk: Publishing and Printing Center of Novosibirsk State University. P. 152–169. (In Russ.)

Obichkin G.D. (1958) Tasks of scientific development in the field of the history of the CPSU. *Materialy vse-soyuznogo soveshchaniya zaveduyushchikh kafedrami obshchestvennykh nauk = Materials of the All-Union meeting of heads of departments of social sciences*. Moscow: Politicheskoi literatury. P. 73–94. (In Russ.)

Rogachev A.G. (2008) Alternatives to Russia's modernization: Siberian aspect (1917–1925 years). *Krasnoyarskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet*. 171 p. (In Russ.)

Rogachev A.G. (2013) Spiritual and cultural life of Siberians in 1921–1925 in the conditions of the New Economic Policy. *Vestnik KrasGAU = Bulletin of KSAU*. No. 9 (84). P. 293–299. (In Russ.)

Rynkov V.M., Ilyinykh V.A. (2013) A decade of upheavals: agriculture in Siberia in 1914–1924. *Novosibirsk: Sibprint*. 244 p. (In Russ.)

Sever'yanov M.D. (2010) Siberian pre-kolkhoz village: land use, land management and resettlement (1861–1930). *Kyzyl: GOU VPO Tyva State University*. 246 p. (In Russ.)

Soskin V.L. (1971) Cultural life of Siberia in the first years of the New Economic Policy (1921–1923). *Novosibirsk*. 350 p. (In Russ.)

Suverov E.V. (2005) Socio-economic and political development of the Siberian village during the NEP period (1921–1929). *Barnaul: Barnaul'skii yuridicheskii institut MVD Rossii*. 195 p. (In Russ.)

Khodorovsky I.I. (1922) Where we go: on the New Economic Policy and strengthening of our party ranks. *Sibirskie ogni = Siberian Lights*. No. 1. March – April. P. 78–86. (In Russ.)

Shekshchev A.P. (1988) Sovkhoz building (1917 – the end of the 1950s). *Abakan*. 166 p. (In Russ.)

Shishkin V.I. (1978) Revolutionary Committees of Siberia during the Civil War (August 1919 – March 1921). *Novosibirsk*. 333 p. (In Russ.)

Сведения об авторах

Рогачев Александр Георгиевич,

доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политологии,

Красноярский государственный аграрный университет, 660049, г. Красноярск, пр. Мира, 90, Россия,

✉ e-mail: kaf.history@mail.ru

Бакшеев Андрей Иванович,

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук, Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого Министерства здравоохранения Российской Федерации, 660022, Красноярск, Красноярский край, ул. Партизана Железняка, 1, Россия,

✉ e-mail: baksh-ai@yandex.ru

Заявленный вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 1 марта 2021 г.

Поступила после рецензирования и доработки 7 апреля 2021 г.

Принята к публикации 19 апреля 2021 г.

Information about the authors

Alexander G. Rogachev,

Dr. Sci (History), Professor of the Department of History and Political Science,

Krasnoyarsk State Agrarian University, 90, Mira Avenue, Krasnoyarsk 660049, Russia,

✉ e-mail: kaf.history@mail.ru

Andrey I. Baksheev,

Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities,

Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voyno-Yasenetsky, Ministry of Health of the Russian Federation,

1, Partizan Zheleznyak street, Krasnoyarsk 660022, Russia,

✉ e-mail: baksh-ai@yandex.ru

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

Received March 1, 2021.

Received April 7, 2021.

Accepted April 19, 2021.